

При такой придирчивости к партнерам вам, должно быть, непросто выступать с российскими оркестрами.

Ну почему, вот Национальный филармонический оркестр Спивакова, с которым мой здешний продюсер Люба Глазкова договорилась на этот раз, — прекрасный коллектив. А вообще вы не думайте, что звезды выступают только с божественными оркестрами. Всяко бывает. Конечно, хорошо, когда все на одном высочайшем уровне. Но это идеал, на него нужно много денег. Поэтому часто бывает — такого наиграют, что и не поймешь! Но хорошего певца будут слушать с любым оркестром.

А что вас более всего беспокоит в отношении места и репутации оперы в ряду других видов искусства?

Да опере просто конец приходит из-за этих дешевых crossover — попыток заигрывать с другими жанрами, приближать ее к попсе рекламой, игрой в секс-символов. Я бы обиделась, если бы меня так называли. Конечно, мне приятно, когда я чувствую, что произвожу впечатление как женщина. Но если меня начнут ценить только за это, а как я пою — будет уже не важно... Мне обидно даже когда говорят: «Какой у вас красивый голос». Ведь голос — только база. А как же роль, музыкальный стиль, весь твой образ? Певец должен производить впечатление всем комплексом своих художественных средств. А открытые части тела надо в другом месте смотреть. Там, кстати, возрастной ценз — до 25 лет. А опера только начинается, когда в шоу-бизнесе уже все закончилось.

Однако вы и сами переходите границы оперного жанра: и в церкви поете, и народные песни в программы включаете.

Конечно, моя основная профессия — опера, это дело святое, и я буду дальше шлифовать и шлифовать свои партии. Есть новые сумасшедшие замыслы. Но если вы о кремлевском концерте с Каррерасом, где я пела «Осенний сон» и песню Анюты из фильма «Светлый путь», — это совсем другое. Это как праздничный шуточный сюрприз после целой программы оперных арий. Я недавно поняла, какой это класс! А вы бы слышали, как я «Черноглазую казачку» пою под Синявскую! А еще кроме академической музыки обожаю народные песни. Те, что трогают, могут вызвать сильные эмоции.

В церкви я всегда пела, где бы ни была. Однажды за границей пришла в храм к моменту, когда собирались желающие петь в мессе. Я тоже вызвалась. Естественно, никто меня не знал — мало ли, стоит женщина в платке. Ну а когда мы спели, ко мне сбегались все церковные служители. Всё выяснили и стали спрашивать, сколько надо заплатить за мое участие. Я засмеялась, указала наверх и ответила: «Там уже заплачено». А в России я стараюсь помогать церкви, много лет подряд поддерживаю московский храм на Пречистенской набережной.

А музыку всякую люблю — и скрипичную, и фортепианную. Когда уехала из России, постоянно слушала Второй фортепианный концерт Рахманинова в исполнении Владимира Горовица — у меня была такая же ностальгия. Уезжала с ощущением «Прощай, немытая Россия», не знала, смогу ли вернуться. Поэтому меня 14 лет тут не было.

Что вам было труднее всего освоить в зарубежной театральной жизни?

